

ТАК НАЧИНАЛИ

В канун пятидесятилетия Советской власти мы подводим итоги пройденному. У всего свое начало, своя история. У народного искусства, у художественной самодеятельности первого в мире Советского государства тоже своя история.

Мы попросили рассказать о ней на страницах нашей газеты ветеранов художественной самодеятельности. Первым любезно откликнулся Капан Бадыров, народный артист Казахской ССР, лауреат Государственной премии. Надеемся, что его воспоминания будут прочитаны с большим интересом.

Еще раз обращаемся к ветеранам художественной самодеятельности, к тем, кому пришлось вести клубную работу в первые годы Советской власти, коллективизации, Великой Отечественной войны — откликнитесь, поделитесь своими воспоминаниями с молодежью, комсомольцами. Мы с большой радостью предоставим вам страницы нашей газеты.

Бывают такие дни, которые на всю жизнь остаются в памяти. Наверное, у каждого человека есть такие дни.

С тех пор прошло сорок шесть лет и пять месяцев. Да, конечно, это же случилось в феврале 1919 года в ауле Чубартигизском Кустанайской области.

... В нашем доме, старой глиняной мазанке, холодно. На дворе мороз градусов сорок, а кизяк в печке едва тлеет.

От холода ничего не хочется делать. Завернувшись в старый дедовский халат, я сижу на нарах, смотрю, как бабушка Улбупе трудится — разбирает покрашенную шерсть. Одни куски ярко красные, другие розоватые — краска их не достала.

Я сижу и думаю, что надо пойти к учителю Оспану Хасенову, попросить у него книжку. Он непременно даст да еще расскажет что-нибудь интересное. Только вот на улице больно холодно, ветер хлопает ставней. Утром я привязал ее веревкой, оборвалась...

Кто-то стучит в дверь. А может быть, ветер? Не хочется вставать, выходить в холодные сени.

— Ты что, глухой? — сердится бабушка Улбупе. — Разве не слышишь, гости к нам пришли?

Запорошенные снегом гости вваливаются в нашу маленькую землянку, от них идет пар. Незнакомые парни, одного с трудом припоминаю — сын соседа, учится где-то в городе.

— Мы пришли завербовать вашего Капана, — объявляет сын соседа бабушке. — У нас в ауле будет театр. Если добровольно Капана не отпустите, мы его все равно заберем по разверстке.

— Мы все налоги платили, — заволновалась бабушка Улбупе. — Хоть у кого спросите. Что полагается, то и отдали в казну. И больше у нас ничего нет...

Сын соседа разъяснил бабушке, что никакого налога с нее не требуют, ничего не надо платить, а театр — это такое «веселое место», где будут петь песни, играть на домбре. Бабушка очень обрадовалась, что все так благополучно обошлось, и с радостью отпустила меня в «веселое место».

По дороге я познакомился с парнями, они оказались студентами из города Троицка. В школе, в бывшей мечети, нас уже поджидали «артисты» — парни из нашего аула. Оказываются, и пьесу они уже подобрали: «Ах, это сваха!», а когда стали распределять роли, то не хватило артиста, вот и побежали за мной.

Мне объявили, что я буду сноха Айкын. И вообще все женские роли в пьесе играли парни. Девушек родители ни за что не отпускали в «веселое место». Ведь парней и то «вербовали», брали по «разверстке».

Костюмы мы собирали по домам. Мне надо было одеть невесты. Родственник мой как раз женился, и молодая сноха уступила на вечер свой наряд.

У бабушки Улбупе я утащила немного той красной краски, которой она красила овечью шерсть, и щедро натер себе щеки.

— Ой! Какая премиленькая сноха! — радостно хохотали парни, щипали меня и чмокали в красные щеки.

Пьесу ставили в школе. Зрителей собралось много, они впервые слышали слово «театр» и сгорали от нетерпения узнать, что же это такое.

То, что происходило на импровизированной сцене, пришлось им по душе, и они подбадривали артистов громкими вскриками: «Давай, давай. Так ему и надо! Правильно, Айкын. Молодец, девка!» (Это про меня-то!).

Зрители нашего аула понятия не имели, что в театре надо аплодировать, вызывать на бис. Мы выражали свои чувства на сцене, они — в «зале».

В пьесе происходили вот какие события. Дочь бедной старухи просваталась за сына богатого бая. Дочь не любит его, страдает, у нее есть другой джигит, любимый. А калым за нее уже уплачен.

Сын богатого бая не очень-то доверяет своей невесте, не дожидаясь свадьбы, он решает ее украсть.

Об этом коварном плане узнает сноха Айкын и ставит в известность возлюбленного девушки.

В ночь, когда назначена кража, на постель невесты ложится старуха. Ее-то и увозят с собой дружки молодого бая ко всеобщему удовольствию зрителей.

После спектакля они явились к нам за «куансы», в соседний класс, и с любопытством разглядывали наши костюмы, бороды, сделанные из козляной шерсти.

Костюм невесты я отнес своей родственнице, поблагодарил ее. Ни она, ни сам я, конечно, не подозревали, что с роли снохи Айкын я оказался навсегда завербованным в искусство.

Студенты уехали, а слово «театр» в ауле запомнилось. Наши односельчане жаждали зрелищ. Они заходили в школу, просили учителей: «Давай театр».

И мы «давали». Ставили маленькие одноактные пьесы, концерты. Руководили нами учителя Оспан Хасенов и Жумагали Ауэзов.

На всю жизнь сохранил я в сердце своем благодарность к этим замечательным людям, особенно к Жумагали Ауэзову. Он был моим первым учителем, художественным руководителем, режиссером. Он учил меня играть на домбре и петь песни, рассказывал об искусстве.

Он настоял, чтобы я поехал в Оренбург, в Казахский институт народного образования — сокращенно (тогда очень модно было все называть сокращенно) это звучало так: КИНО.

Благодаря заботам Хасенова и Ауэзова многие ребята и даже девушки из нашего аула уехали учиться в Оренбург, Троицк.

Летом 1924 года мы все собрались дома на каникулы и сами удивились, как много стало в ауле «учених». Губком поручил нам организовать первую в районе «красную юрту». Что это такое? Расскажу с большим удовольствием.

Прежде всего мы подготовили спектакль Сакена Сейфуллина «Бакыт жолында». (Мне дали роль главного героя — Ермека).

Костюмы мы изготовили какие смогли, кое-что собрали по дворам, как в первый раз. Губком дал нам две большие белые юрты и «бумагу», по которой местные власти обязаны были перевозить нас из аула в аул.

Получалось что-то вроде бродячего цирка. Обычно мы ставили свои юрты в центре аула. В одной юрте, в переводе на современный язык, были артистические уборные. Из другой мы делали сцену. Убирали одну войлочную стену юрты — получался дом в разрезе. Вот там-то и шел спектакль. А зрители сидели под открытым небом.

Сколько волнений, радости приносили эти спектакли и зрителям, и артистам!

Я удивляюсь и сожалею, что нынешние студенты не кочуют по аулам «красной юрты», наверное, и сегодня их бы встречали так же гостеприимно и радостно, как нас тогда.

Я уверен, что и сегодня подобные «красные юрты» не сошли с повестки дня, не изжили себя. Глубоко уверен!

Во многих аулах побывали мы за то лето, крепко подружился между собой Я помню вас, Мукыш Байтанаев, Оспан Хасенов, Мухамедгали Байчурин, Абдрахман Кузельбаев, Назика Кожамкулова, Жамал Сугурова, Рахия Умурзакова, Зейнек и Рабига Алдунгаровы...

В 1925 году участники художественной самодеятельности Казахского института народного образования подготовили первый большой спектакль в честь пятилетия Казахской автономной республики.

В этом же году по решению правительства нашей республики был организован Казахский национальный театр драмы. Из участников художественной самодеятельности КИНО вошли в новый коллектив пять человек: Е. Умурзаков, К. Бадыров, А. Абдуллин, С. Байгузин, Ж. Оспанов.

Я и друг мой Елеубай Умурзаков до сих пор работаем в одном театре — Казахском академическом ордена Трудового Красного Знамени имени Мухтара Ауэзова.

Капан БАДЫРОВ,
народный артист Казахской ССР,
лауреат Государственной премии.